

ДОКЛАД Э. Н. БУРДЖАЛОВА

О СОСТОЯНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И РАБОТЕ
ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» (НА ВСТРЕЧЕ С ЧИТАТЕЛЯМИ
19--20 ИЮНЯ 1956 г. В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР)

Теперь другая группа вопросов — история общественных идей. Журнал поставил эту проблему в двух передовицах — в № 3 (1955) статья «Об изучении истории возникновения научного социализма» и в № 9 статья «О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX века». Этим двум выступлениям, особенно второму, мы придавали большое значение. Но, к нашему удивлению, откликнулись в Ленинграде на эту статью... литераторы, а не историки. В университете состоялось интересное обсуждение этой статьи, в «Вестнике» мы читали о нем¹. А историки все еще раскачивались. В № 3 мы поставили вопрос о том, что пужно в одинаковой мере бороться как против недооценки того действительно революционного переворота, который совершил марксизм в развитии социализма, так и против попытки оторвать этот переворот от всего предшествующего развития.

На философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова А. А. Жданов поставил очень резко этот вопрос. Однако формула Жданова была принята односторонне, хотя в его речи было указание на то, что этот переворот был подготовлен предшествующим развитием. Между тем после этого глубокое изучение истории социализма фактически прекратилось и, как это ни печально, а в нашей стране не изучалась в последние годы история социалистических идей. Дело дошло до того, что на философском факультете Московского университета работа Ленина «Три источника и три составные части марксизма» не рекомендовалась студентам, потому что она вошла в противоречие с ложной точкой зрения, будто марксизм не имеет предшественников.

Видимо, здесь какой-то вред нанесло также и то, что после решения ЦК партии (было такое решение о III томе «Истории философии»²) фактически перестали заниматься философией Гегеля, перестали изучать философов Западной Европы. Сыграло роль тут и то обстоятельство, что Сталин дал такую формулировку, — правда, не от его имени это шло, но она дана была Сталиным, — которая говорила, что философия Гегеля является аристократической реакцией на Французскую буржуазную революцию. Раз это аристократическая реакция, значит, зачем же нам изучать Гегеля! Зачем изучать немецких философов и французских утопистов! Зачем изучать английских экономистов! В итоге вышло, что студенты философского факультета Московского университета западноевропейскую философию фактически не изучали.

Когда к нам приехала делегация ГДР, где чтут сынов своего народа и всюду популяризуют труды Гегеля, Фихте, Канта, на выставке ГДР, которая была в Москве, поместили их современные издания, как и их портреты, стали интересоваться, как же у нас изучаются эти великие немецкие мыслители. И тут обнаружилось, что у нас их никто не изучает. Это характеризовало нашу культуру, наше научное развитие.

За последнее время не вышло ни одной работы по истории утопического социализма на Западе. Только в № 5 журнала после долгих мы-

тарств мы помещаем статью Зильберфарба, известного исследователя (кстати, которому тоже не утвердили докторской степени). Мы помещаем его статью «Социальная философия» Шарля Фурье как предмет исторического исследования». Там, может быть, есть спорные моменты, есть некоторые преувеличения, но мы хотим этой статьей, собственно, узаконить темы по истории социалистических идей. Нужно было провести большую борьбу, чтобы продвинуть такую тематику, и это значит, что ею нам нужно сейчас заниматься очень серьезно. Кроме того, в этой статье говорится об изучении истории возникновения и развития марксизма.

Опять-таки и здесь в нашей литературе существовала упрощенная точка зрения, согласно которой Маркс и Энгельс будто бы сразу выработали свою теорию. Была боязнь показать, что на известном этапе они находились под влиянием Гегеля и Фейербаха, как будто это может принизить основоположников нашего учения. И тут опять-таки попытка показать, что в ранних работах Маркса и Энгельса уже полностью сформировался марксизм. Но это не так. Конечно, «Манифест Коммунистической партии» дает уже основы марксистского учения, но и дальше марксизм развивался, теория его обогащалась. Как можно говорить, что развитие марксизма как учение закончилось, когда опыт 1848 г. сыграл очень большую роль в нем, когда опыт Парижской Коммуны сыграл такую же роль.

Такой несерьезный подход к исследованию марксизма имел место в нашей литературе. И не случайно Институт Маркса и Энгельса решил, что наш читатель не разберется, оказал недоверие ему, не включив во второе издание сочинений Маркса и Энгельса многие их ранние работы, хотя они есть в первом издании. Почему такое недоверие к читателю? Он вправе иметь полное собрание сочинений Маркса и Энгельса без того, чтобы редактор подбирал по своему усмотрению, какие работы в нем помещать. Теперь, правда, будет издан отдельный том ранних работ³. Мы собираемся дать рецензию на этот том, изложив в ней то, что я сказал. Но и в этот том тоже, кажется, не все включено⁴. Непонятно, почему такое недоверие к нашему читателю. Какая-то боязнь, что читатель самостоятельно поразмыслит над этими работами.

Связан с этим и вопрос о немарксистских мелкобуржуазных течениях, представителями которых являются Бакунин, Лассаль. Недавно вышла рецензия Алексеева-Попова на сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию» (1955, № 12). Там есть статья Воробьевой, в которой речь идет о Лассале, о том, что он заблуждался, расходился с марксистами, не был настоящим революционером. Надо критиковать его за ошибки, за оппортунизм, но зачем же превращать его в простого агента реакции в рабочем движении. А у нас все страшно упрощается. Получается, что это не идейная борьба, а какие-то злоумышленники приходят в рабочее движение и действуют в нем по заданию. Например, Лассаль — это агент реакции, который обманывает и разрушает рабочее движение. А дело-то не так просто, Ленин эпиграфом к своему «Что делать?» взял его слова, хотя и видел его слабые стороны и осуждал его.

А Бакунин! Ему дают самые ругательные клички. Да, всем известно, что Бакунин боролся с марксизмом, боролся с I Интернационалом, но нельзя его зачеркивать. Это своеобразный человек, и для русского революционного движения он имел немалое значение, он влиял на целое поколение русских народников. Как же зачеркивать его, превращать в простого реакционера, не имеющего никакой почвы. Тогда мы опять скатываемся к тому же субъективизму, против которого выступаем, а должны выяснить объективные основы этого движения. На какие слои могли опираться Бакунин, Лассаль и другие? На мелкобуржуазные слои в раннем рабочем движении. Того, что рабочие шли за Прудоном, бояться не

надо, надо говорить об идейной борьбе, а не превращать его имя в ругательную кличку и тем самым отмахиваться от серьезной проблемы.

Очень много вопросов связано с русской общественной мыслью, и мы освещали это в передовой статье в № 9 журнала. Но в связи с этим возникает много новых проблем. Мы не всегда имеем возможность выступать со статьями и рецензиями, а надо использовать все формы. Например, мы выступили с критикой сборника о петрашевцах со вступительной статьей Евграфова⁵. Два ленинградских философа Никандров и Галактионов написали рецензию (1955, № 7) о работе Габова о декабристах⁶. Там все они свалены в одну кучу, хотя это были разные люди. Никакой попытки разобраться в этих группах нет, все идеализировано. Иногда эти рецензии — небольшие формы публикаций — проходят незаметно, хотя мы хотим таким путем высказать свое принципиальное отношение к данному вопросу.

В этих вопросах мы опираемся на молодежь, потому что с маститыми философами у нас такой контакт не получается. Рецензию написал молодой товарищ, а потом была помещена статья молодых философов из Московского университета по поводу работы Щипанова. Эта маленькая статейка⁷ нашла большой отклик, по поводу ее писали нам очень многие: и инженеры, и историки, и экономисты, и другие читатели. В этой заметке было указано, как Щипанов, очень заслуженный ученый, руководитель кафедры философии Московского университета, обращается с источниками, как он в угоду своей предвзятой схеме вольно обращается с цитатами, приводя, например, из идеалистической работы Белинского (а у него была такая работа) высказывания, чтобы подтвердить материализм и демократизм последнего, как произвольно вырывает фразы, ставит многоточия и т. д. Эти молодые философы пишут и о том, что так делают не только наши философы, но и представители других наук.

Вопросы русской общественной мысли имеют огромное значение. Мы добились серьезных достижений, и теперь никто не выступает с ее недооценкой. Известно, что было время, когда русскую общественную мысль выдавали за простое сочувствие Западной Европе. Теперь так считать никто не может. Доказано, что она имеет самостоятельное значение, внесла свой вклад в развитие мировой общественной мысли, действовала не изолированно. Существовала у нас и другая крайность в борьбе против прежней недооценки русской мысли, получилось, что никакого влияния Западная Европа не оказывала на нее. А если упоминались западноевропейские мыслители, то только для того, чтобы сказать, что их взгляды не разделяли русские мыслители или что первые не понимали того, что понимали вторые, то есть только для критики, а не для того, чтобы показать их положительное влияние.

Как же можно вычеркнуть то, что пишет Герцен: мы все увлекались Гегелем, увлекалась вся русская молодежь. Как же это не показывать? Это уже псевдопатриотизм! Мы принижаем Герцена, Белинского, Чернышевского, когда говорим, что они дошли до всего сами. Нет, они стояли на уровне общественной мысли своего времени, они испытывали влияние Запада и сами влияли на его мысль. Когда их изображают так, будто они были оторваны, изолированы от Запада, то это их принижает.

Наблюдается также стремление пригладить всех под один ряд. Например, Радищев и Белинский. Это дело, конечно, спорное, но все-таки нельзя так изображать Радищева, как это делалось во многих работах, когда говорилось, что Радищев — это крестьянский революционер, крестьянский демократ. Ну как может быть такое, что сначала появился крестьянский демократ, а потом декабристы, дворянские революционеры. Конечно, в истории могут быть и такие зигзаги, но все-таки это преувеличение. Нельзя также ставить полный знак равенства между революционными демократами Белинским и Чернышевским. И здесь есть разница. А у нас все похоже друг на друга.

Ряд неправильностей в нашей литературе возник из-за слова «либерал». Оно стало ругательной кличкой. Несколько лет назад, в связи со столетием со дня смерти Белинского, в газете «Культура и жизнь» была помещена статья «О Белинском»⁸, в которой проведена мысль, будто в 40-х годах прошлого века произошел полный разрыв, было два лагеря — революционных демократов (Белинский и Герцен) и либералов. И тут же говорилось о том, что кличка «неистовый Виссарион» — это враждебная кличка, разве можно так называть Белинского. А почему нельзя? Так называли Белинского его друзья, и в ней нет ничего позорного. По поводу этих слов шла целая дискуссия. Это означает, что Белинского не понимали. Между тем он был в одном кружке с Грановским. И размежевание произошло не в 40-х годах, а позже, в начале 60-х годов. Поэтому нельзя подходить так антиисторически к Белинскому и говорить, что либералы 40-х годов поддерживали самодержавие и крепостное право. Не так обстояло дело. Да и с самим названием «либерал». Нельзя же думать, что либералы и реакционеры — одно и то же. Это связано с неправильным толкованием отдельных положений Ленина. Он писал, что шла борьба между либералами и крепостниками, борьба внутри одного класса. Но это вовсе не значит, что они выражали одно и то же. Русская буржуазия не стояла на революционных позициях, но либералы не были реакционерами. Нельзя писать «либерально-крепостнический лагерь», дело обстояло значительно сложнее.

Сейчас вышло много обобщающих работ, например, очерки по истории общественно-политической и философской мысли народов СССР. В редакции состоялось совещание, на которое мы пригласили философов — авторов этой книги, обсудили ее⁹. Кое-что они исправили в прежнем издании, но в целом эта книга содержит те ошибки, о которых я говорил сегодня и которые должны быть более решительно исправлены (всякое приукрашивание, вольное обращение с фактами и т. п.).

В одном из ближайших номеров мы поместим заметку о некоем А. А. Антонском¹⁰. Этот типичный идеалист, сторонник религии превратился в материалиста. Между тем он писал: «Самый важный, самый священный долг ваш — распространять и утверждать в народе дух религии, дух страха Божия». Разве можно так перекручивать историю общественной мысли? А это делается в некоторых работах.

По истории экономической мысли в журнале напечатаны две рецензии. Мы будем также обсуждать книгу «История русской экономической мысли»¹¹. Раскрываешь книгу, написано: «История экономической мысли», думаешь — значит, речь идет об обобщении, а видишь своего рода исторические портреты, и речь идет не об экономической политике, а об Иване III и Иване IV, Разине и Пугачеве. При всем уважении к ним нужно сказать, что это не были представители экономической мысли. Должно быть какое-то теоретическое обобщение истории ее развития. Словом, здесь тоже много ошибок, которые только дискредитируют науку. В результате вместо того, чтобы развивать любовь к русской общественной мысли, к русской философии, мы отталкиваем от нее. В области изучения общественной мысли предстоит еще проделать большую работу.

Хотелось бы перейти к истории Коммунистической партии и советского общества. Этот вопрос Центральный Комитет КПСС и XX съезд партии отметили как один из отсталых участков идеологической работы. И здесь речь опять-таки идет не о частностях, не о мелочах, а о коренной перестройке этой работы. Речь идет не только о том, что надо отбросить, искоренить представления, почерпнутые из книг Берии, Багирова о Закавказской партийной организации. Речь идет о том, чтобы пересмотреть положения «Краткого курса», историю многих крупных партийных организаций, о том, чтобы поднять на ту высоту, которую она заслуживает, роль Ленина как организатора и строителя нашей партии.

Долгое время господствовало много неверного, в частности высказывались неверные положения и на страницах нашего журнала. Возьмем работу об Украинской партийной организации. Что получилось? Многие заслуженные, видные большевики, строители нашей партии были опорочены. Сейчас их честь полностью реабилитирована, большинство из них восстановлено в партии. А нам иногда говорят так: зачем вы печатаете про всех этих людей? Зачем создавать интерес к этим фамилиям? Мы считаем, что это наш долг, долг каждого органа печати восстановить имена людей, которые незаслуженно опорочены, ведь они строили то дело, плодами которого мы пользуемся (аплодисменты).

А как у нас бывало? Мы, историки, давали безымянную историю, потому что как ни фамилия из первых дней истории нашей партии, так «враг народа»! Мы зачеркивали эти фамилии, и история получалась безличная. Получалось и хуже. Вот А. В. Лихолат не вычеркнул этих людей, а сделал так: раз эти люди были разоблачены как «враги народа», значит, все ошибки, какие были в украинской организации, все слабости — все это их ошибки. И вся история Украинской партийной организации была извращена. Дело дошло до того, что Антонова-Овсеенко, командовавшего Украинской советской армией, изображали как пособника Махно; Косиор будто бы действовал вместе с Центральной Радой. Больше того, незадолго до читательской конференции Лихолат собирался защищать эту книгу¹² как свою докторскую диссертацию, и только вмешательство Г. И. Петровского и других предотвратило защиту этой диссертации, в корне извращавшей историю Украинской партийной организации. Это же относится и к другим организациям.

Надо восстановить правдивую историю Петроградской организации большевиков. Это недопустимо, как у нас получилось в последнее время, что фактически не пишут по истории этой партийной организации. Мы сделали очень слабую попытку, но она прошла незамеченной. В. Е. Беликов — военный товарищ, он, может быть, не знает всех петроградских дел, о героической борьбе большевиков против Юденича. Это, конечно, была очень слабая попытка (1956, № 1), но мы хотим просить вас, товарищи: дайте нам в журнал правдивую, настоящую статью, посвященную героическим страницам истории петроградских большевиков. Эта история должна быть восстановлена, и Петроград должен занять то место в литературе, которое он занимал в истории.

Некоторые товарищи в связи с тем, что это относится к 1905 году и другим периодам, на основании «Краткого курса», даже одной его фразы, совершенно перестали говорить относительно Петербургского Совета 1905 года. В одной из статей (1955, № 2) мы писали по поводу освещения этого вопроса в Большой Советской Энциклопедии. В статье правильно подчеркнуто, что Петербургский Совет рабочих депутатов не выполнял своей задачи. Но нельзя забывать борьбу Совета за введение восьмичасового рабочего дня, его роль в проведении Октябрьской всеобщей политической стачки, в Ноябрьской стачке. В статье не упоминалась ни одна фамилия участников 1905 года, роль петербургских рабочих, и из статьи нельзя заключить, что Петербург был важнейшим центром революции 1905—1907 годов.

Мы сделали попытку осветить роль Петербургского Совета, но нас давил «Краткий курс», где сказано, что во главе Петербургского Совета стояли Троцкий, Хрусталев, и только Московский Совет был настоящим большевистским Советом. Статья Л. Ф. Петровой (1955, № 11) дала, может быть, не совсем удовлетворительное освещение, но все-таки мы сняли запрет с этой темы, и надо серьезно заняться ее изучением, показать, что было в 1905 г. — в октябре, в ноябре — показать правдиво. К сожалению, не дано правдивого освещения многих вопросов. Ведь когда Ленин писал свои выводы о значении Советов, он опирался на опыт Петербургского Совета, а не какого-то другого; Ленин присутствовал на

заседаниях Петербургского Совета, а не какого-то другого; Ленин выступал на заседаниях Петербургского Совета, а не какого-то другого. Как же можно зачеркнуть, что там было. Да, большинство его не было большевистским, но там был цвет петербургского пролетариата, металлисты, и все это нельзя зачеркнуть только потому, что во главе Совета стоял Троцкий. Нельзя откинуть меньшевиков, у них было некоторое большинство.

Дело дошло до того, что в некоторых работах пишут: «Во второй половине 1905 года центром революционных событий становится Москва»¹³. Неверно это! Ленин говорил, что Петербург и Москва поделили честь революционного пролетарского почина¹⁴, что в октябре петербургский пролетариат играл огромную роль! Как можно вычеркнуть эту стачку, руководимую петербургскими большевиками! Конечно, в декабре положение переменилось. В декабре центр переместился в Москву. Но нельзя же писать так, как было написано в одной диссертации: будто петербургский пролетариат вонзил нож в спину Москвы в декабре. Ну можно ли так искажать историю! Нужно объяснить, почему петербургский пролетариат не сумел подняться в декабре. Были объективные причины к этому, и надо было их объяснить! Словом, надо восстановить историю Петербургской партийной организации.

Нам надо восстановить историю Закавказской организации, ибо она особенно извращена в связи с ошибками Берии и Багирова и других. Эти люди искажали историю. Получалось, что целый ряд важнейших деятелей, большевиков Закавказья не упоминался в стачечном движении. О М. Г. Цхакая не писали, а если писали, то только как об ученике Сталина, хотя было как раз наоборот. О роли С. Г. Шаумяна, о А. М. Стопани умалчивали. Нужно восстановить полностью роль Закавказской организации. Это дело местных историков, но, к сожалению, мы не всегда в этом встречаем поддержку. Товарищи не решаются смело подходить к этим вопросам.

Мы должны также поставить вопрос относительно того, чтобы перерошить некоторую старую литературу. В № 3 (может быть, там есть неточности и недостатки) мы указывали, почему зачеркнута вся литература, предшествующая «Краткому курсу». Зачеркнули авторов, которые писали, и все они были, к сожалению, уничтожены. Некоторые товарищи говорят так: что вы нас призываете изучать Ем. Ярославского, В. Г. Кнорина, куда вы нас зовете?¹⁵ Мы вас не призываем возвращаться к этим работам, но мы не можем и отрицать их. В. И. Невский написал замечательную книгу о первом периоде русской социал-демократии, с документами такими, каких у нас сейчас нет. Так что же плохого в том, если к этой работе возвратиться и воспроизвести! Или работы Ярославского — я не говорю про все его работы, последние из них проникнуты культом личности. А возьмите четырехтомник. Там тоже есть много неверного, но там много и правильного.

Если говорить о воспоминаниях, то по вопросам истории партии в 20-х годах писали правдивее, чем в 30-х, а в 30-х — правдивее, чем в 40-х и 50-х годах (с места: правильно!). Нам, конечно, нужны воспоминания очень многих товарищей, на которые был наложен какой-то запрет. Ведь долгое время был под запретом такой вид литературы, как воспоминания, и когда мы помещали первые воспоминания о Ленине, нам пришлось преодолеть известное сопротивление. Конечно, воспоминания — дело очень субъективное. Нужно подходить внимательно к воспоминаниям, проверять, нельзя верить каждому слову, но и к документам надо подходить внимательно. У нас читают слова «архив, фонд такой-то, опись такая-то, рукопись такая-то» и полагают, что это уже истина. Больше того, не пишут, что за характер документа, который человек использует, — лишь бы была ссылка на архив. Конечно, и всякий архивный документ требует проверки.

Требуется критический подход к любому источнику. Поэтому надо обратиться к многим воспоминаниям. Воспоминания Н. К. Крупской тоже долгое время находились в закрытом фонде. Это недопустимо. Энциклопедия поместила справку, что Крупская — жена Ленина и крупный деятель по народному образованию. А Крупская — из числа строителей нашей партии, играла крупную роль как секретарь ЦК, держала в своих руках все организационные нити, переписывалась с Россией, играла роль в газетах. Разве она не партийный деятель? Разве она не строитель нашей партии?

Надо поднять роль Ленина в нашей литературе как создателя и вождя нашей партии. Надо покончить с теорией двух вождей, двух основателей партии. Сейчас как будто нет защитников этой теории, но такая теория была, что партию основали Ленин и Сталин, что революцию пятого года делали Ленин и Сталин, что Советское государство создали Ленин и Сталин. Надо показать Ленина во всем величии, но показать и то, что Ленин был не один, он опирался на целую когорту большевиков. Культ личности в том и состоял, что выдвигалась одна личность. Сталин не имел никакого отношения к Петербургскому комитету большинства, который был создан III съездом партии, а о нем написано как о руководителе бюро, а настоящий руководитель не показан.

Или воспоминания такого крупного большевика, как Литвинов. Разве не больно, что когда он умер, не было даже некролога, а только короткая справка о нем. А ведь это один из строителей партии ленинцев. В Большой Советской Энциклопедии, когда вы откроете соответствующую букву, вы найдете: Лядов — композитор, Лядова — балерина, а Лядов — старый большевик, один из деятелей нашей партии, отсутствует. Васильев-Южнин — то же самое. Мы отметили в № 4 такое отношение к старым большевикам. Васильев-Южнин — один из крупных деятелей Московской партийной организации, он написал воспоминания, но соавтору-редактору воспоминания не понравились: не подходят под схему, он говорит об ошибках, о слабости московских большевиков — и вычеркиваются целые страницы, даже целые главы, потому что не нравятся редактору. Разве можно так обращаться с воспоминаниями старых большевиков?

Нам нужно учесть уроки нашей юбилейной кампании по 1905 г., чтобы лучше подготовиться и провести 40-летие Октябрьской социалистической революции. По 1905 году у нас было много сделано в смысле пропаганды. Мы широко популяризировали 50-летие революции 1905 года. Было издано много сборников. Но в научном отношении, в отношении обобщения эта кампания у нас прошла очень бледно. Мы не имели ни одной крупной монографии. Освещали мы этот юбилей только в мажорных тонах — в тоне ура! ура! — и в несоответствии с историческими событиями.

Забастовочное движение получилось такое же, как и в январе; получилось, что в январе безраздельным господством пользовались большевики, а это было не так. Иваново-Вознесенская стачка изображалась как самостоятельный акт, а на самом деле это было звено в ходе стачечного движения. Такилку большевиков в 1905 г. мы изображали сектантски, т. е. одни большевики. А где же другие? Нельзя же все смешивать. Надо объяснить, надо видеть разницу между этапами, между отдельными линиями, между отдельными группами. Надо понимать, что в 1905 г. было одно, а в 1917 г. положение было другое, расстановка сил была другая. Там эсеры и меньшевики становятся врагами, но там был и другой этап.

Словом, мы должны исправить это и не допускать таких вещей в нашей литературе. В связи с 40-летием Октября нам надо правдиво изобразить Октябрьскую революцию и ее деятелей — как было в действительности, как было до приезда Ленина, как было в июльские дни, как было на VI съезде. Не преувеличивать, а говорить, как было.

Товарищи говорят: а можно ли писать о людях, которые потом были в чем-то обвинены? Мы считаем, что надо писать, как было. Зиновьев стал штрейкбрехером, и Ленин так его назвал — это было в октябре; но это не значит, что Зиновьев был таким в апреле, когда он защищал линию Ленина. Ленин говорил в октябре: я порываю со своими товарищами. Значит, Ленин считал их своими товарищами и шел вместе с ними, а потом, когда они совершили штрейкбрехерство, он порвал с ними.

Надо показать роль Сталина. Здесь не должно быть зачеркивания, а надо показать, какую роль играл Сталин, как он вел себя до апреля. На Апрельской конференции он присоединился к ленинской платформе, на VI съезде партии он защищал линию Ленина. Но руководил VI съездом не Сталин, преувеличивать нельзя. Ленин написал июльские тезисы, и по ленинским тезисам выступал Сталин, но там были и другие крупные деятели.

Относительно явки Ленина на суд — тут все перевернуто. По этому вопросу шли споры. Никто не может никого обвинить. Ленин сам считал, что он должен явиться на суд, а потом, после обсуждения с товарищами, решил, что ему на суд являться нельзя. В краткой биографии Сталина написано, что он спас драгоценную жизнь Ленина. Дело обстояло не так. Сталин считал необходимым, чтобы Ленин явился на суд, если суд будет с гарантией, то есть если Временное правительство обеспечит безопасность Ленина. Вот какой была точка зрения Сталина. А VI съезд партии принял другую точку зрения, категорически высказавшись против явки Ленина на суд. Надо так и сказать, как было в действительности, что Сталин считал одно время, что Ленин должен явиться на суд. Зачем писать то, чего не было? В издании 1934 г. речь Сталина в протоколах съезда отсутствует, а критика этой речи имеется. А в старых протоколах имелась речь Сталина, в которой он высказывался за явку Ленина на суд, если будут даны гарантии безопасности со стороны Временного правительства¹⁶...

Сталин играл крупную роль в газете «Рабочий путь», был одним из ее редакторов, но по вопросу об осуждении поступка Каменева и Зиновьева Сталин не занимал четкой позиции, как Ленин, и подал в отставку, потому что ЦК с ним не согласился. Это есть в протоколах ЦК за август 1917 и февраль 1918 года. Они тоже одно время попали в закрытый фонд.

Ряд вопросов связан с освещением гражданской войны. Здесь имело место преувеличение роли Сталина. Он был в Царицыне и сыграл там определенную роль. Но это преувеличено в двух направлениях. Во-первых, Царицын не был главным, решающим пунктом, а во-вторых, в Царицыне Сталин и Ворошилов делали серьезные ошибки, которые подвергались критике на VIII съезде партии. Это все искажалось, и в этом повинна работа Ворошилова «Сталин и Красная Армия», которая неправильно ориентировала нашу партию.

У нас есть целый ряд вопросов, которые требуют серьезного, вдумчивого пересмотра. Я не буду говорить о плане разгрома Деникина и о польском фронте. Видимо, предстоит серьезное обсуждение этих вопросов. Но скажу два слова об Отечественной войне. Освещение этого вопроса имеет большое значение. Известно, что в прикрашенном виде освещался первый период войны — еще «Военный вестник» обратил на это внимание. Мы сами переживали первый период войны, знаем, как тогда было, и надо правдиво описывать его. Разве это будет умалять нашу победу? Наоборот, чем труднее, тем величественнее будет победа. Однако есть попытки неверно освещать этот вопрос. В «Красной звезде» от 9 мая этого года обрушиваются на «Военный вестник» и говорят, что неверно изображать первый период войны так, что тогда были ошибки, была неподготовленность. То есть призывают нас к лакировке, к искажению

действительности. Неправильно это! Мы в № 5 журнала дали примечание, указали, что мы считаем неправильным такое выступление «Красной звезды», потому что это дезориентирует кадры. Нужно последовательно, доказательно проводить свою линию, а не дезориентировать кадры. «Красная звезда» хочет снова повернуть к досъездовскому периоду. Неправильно это.

У нас есть ряд вопросов, связанных с историей КПСС и советского общества, которую нужно освещать правильно. И здесь нужно сказать, что, к сожалению, плохо у нас с авторами. Для того чтобы написать серьезную статью, нужно время. А наши кадры ждут, а другого «Краткого курса» как руководства нет. А чем-то нужно руководствоваться. Мы, журнал, должны оказать здесь посильную помощь и мы хотим ее оказать.

Не знаю, как вы к этому отнесетесь, но мы хотим в журнале, кроме научно-исследовательских статей, которые мы обязаны помещать и которых мы помещаем пока мало, давать сейчас, пока нет нового учебника по истории партии, материалы к лекциям по истории партии (бригада по написанию учебника истории партии создана, но она раньше, как через полтора года, вряд ли выпустит в свет этот учебник). Мы только боимся, чтобы этот наш материал не превратился в шпаргалку. Для этого мы решили сделать оговорку; мы назвали это не лекциями, а материалом, причем указали, что некоторые вопросы мы не будем освещать, а сошлемся на литературу.

В числе других вопросов мы хотим осветить, например, вопрос о народниках. Тоже и «Краткий курс» тут виноват, и другие обстоятельства. Народовольцы — это было понятно: террор, страшные вещи! А тут — независимо от времени, от обстановки, против кого народники выступали. Все это не учитывалось. А после убийства С. М. Кирова эта тема стала совершенно запретной. Надо снять с нее запрет. В № 5 помещена статья П. С. Ткаченко по этому вопросу. Просим откликнуться. Теперь о Плеханове. О нем мы поместили статью в 1954 году. В связи с этим мы имели страшно много нападок: зачем вы поднимаете Плеханова? Главная мысль статьи была правильная, и первый период его деятельности нельзя зачеркивать, Плеханов — это первый русский марксист. Мы скоро будем отмечать и должны хорошо отметить столетие со дня рождения Плеханова.

Я хочу вам сообщить еще следующее. В связи с тем, что мы сейчас говорили о необходимости правдивой истории, о необходимости писать о тех людях, которые потом стали виновными в чем-нибудь, есть недавнее решение Центрального Комитета о переиздании стенограмм и протоколов всех партийных съездов и конференций (аплодисменты). Таким образом, мы будем иметь возможность прямо по первоисточнику познакомиться со всей борьбой, которая когда-либо была, когда кто выступал. Нам нечего скрывать. Нельзя делать так, что протоколы партийных съездов и конференций попали если не в закрытый фонд, то на дом они не выдавались, пользоваться ими можно было в читальном зале.

Было решение о переиздании дополнительных томов сочинений Ленина, того, что не вошло в IV издание, а не вошло многое, очень много писем не вошло по произволу редакторов IV издания. Кроме того, готовится издание Полного собрания сочинений Ленина, что, конечно, очень важно.

Последнее, на чем я хочу остановиться и сказать несколько слов. Это о том разделе нашей науки, без которого мы не можем двигаться вперед. Мы должны знать прошлое нашей науки. Я имею в виду историографию. Ею мы занимались очень мало и допустили ошибки двоякого рода. С одной стороны, мы должны бороться с буржуазной идеологией, историографией. Но нельзя уклоняться в вульгарный социологизм, в упрощенчество. Нельзя думать, что буржуазные историки только и мыслят о своих

ближайших классовых интересах. Так считать нельзя. С другой стороны, в книжке М. А. Алнатова¹⁷, который специально занимается этим вопросом, сказано, что со времени появления трудов Маркса и Энгельса вся буржуазная историография есть сплошная фальсификация истории. Это неверно.

Но неправы и авторы «Очерков истории исторической науки»¹⁸, которые заявляют, что вообще до марксизма не было исторической науки, были только исторические знания. Неверно. Конечно, подлинной все-сторонней исторической науки до Маркса не было, [но это не значит, что], не были накоплены знания, там были попытки обобщить материал, и мы не можем не опираться на труды этих историков. Мы правильно осуждали ошибки Н. Л. Рубинштейна, автора «Русской историографии». Его били за признание достоинств старой литературы, обвиняли в объективизме, а теперь принижают С. М. Соловьева, что он идеалист, чего-то не знал. Но ведь Соловьев для буржуазной русской науки — это вершина. Конечно, надо говорить о его ошибках, но нужно говорить и о его подвиге. У нас существуют целые исторические институты, которые стоят на правильных методологических позициях, но трудов они выпускают очень мало. А Соловьев ходил каждый день в архивы (имеется стол, за которым он работал) и каждый год выпускал по одному тому «Истории России с древнейших времен». Многое там устарело, и, конечно, его концепция неправильна, но нельзя отрицать того, что для своего времени он создал научную схему исторического развития, и это прини- жать нельзя.

Историческая мысль Чернышевского, Белинского правильно поднята на большую высоту. Они имели свои взгляды на историю, но нельзя отрицать того, что Чернышевский, Белинский, Герцен и другие опирались в своих исторических взглядах на труды профессиональных историков. А у нас было такое предложение — написать статью «Белинский как источниковед». Но Белинский опирался на труды профессионалов, он опирался на Кавелина. Этого нельзя отрицать.

Мы должны объяснять подлинные мысли Покровского. Да, это пройденный этап, никто и не будет возвращаться к Покровскому, но мы не можем отрицать ту положительную роль, которую он сыграл в развитии историографии. Нельзя же отрицать его борьбу за марксизм. Правильно, что он понимал его недостаточно, многие взгляды его имеют упрощенческий характер, но он пытался вскрыть порядок исторического процесса. Давайте правильно оценивать его роль, не скрывая, конечно, и его ошибок.

То же самое и в отношении Запада. Нельзя вести неумную политику, которую мы вели. На Западе не все историки — реакционеры. Там много прогрессивных людей, и это не только коммунисты. Сейчас мы вышли на международную арену. Наши представители входят в Международный комитет историков. Панкратова выехала недавно в Мадрид, где заседал Международный комитет историков. Как же нам там вести себя? Неужели всех считать врагами, реакционерами? Нет! Мы должны вести идейную борьбу с ними, выступать против них, раскрывать несостоятельность их методологии; но мы должны признать их крупные конкретные достижения, о которых мы не всегда знаем, а раз не знаем, значит, мы не на высоте исторической науки. Нельзя требовать от них стопроцентного марксизма, они и не были марксистами, но они действовали ради достижения научной истины. Идейная борьба предполагает и сотрудничество, но это не означает сдачу наших идейных позиций, которые мы должны держать высоко.

Хотелось бы, чтобы наш журнал, который сделал еще мало, но хочет сделать больше, играл свою настоящую роль как на международной арене, так и внутри нашей страны. Хотелось бы, чтобы он соответство-

вал своему старому названию — «Историк-марксист»: все же он действительно высоко держит знамя боевого, творческого, непрерывно идущего вперед марксизма (аплодисменты).

Заключительное слово

Товарищи, вопросов много, но я не буду делать никаких выборов из них, буду просто говорить о том, на что я могу ответить. Спрашивают насчет стенограмм съездов. Стенограммы будут переиздаваться. Поручено это Институту марксизма-ленинизма. В составе нашей редколлегии директор этого института. Будем надеяться, что это будет делаться более быстрыми темпами и что более точно будет воспроизводиться то, что было на съезде (смех в зале). Будем надеяться, что никаких поправок, которые мы видели в изданиях 30-х годов, не будет внесено. Нужно, чтобы партия все знала, что было на съезде, и так, как это было, без всяких редактирований.

«Можно ли считать «левых» коммунистов в период борьбы за Брестский мир шпионами и наймитами иностранных государств, как это изображает «Краткий курс»? ¹⁹ Думаю, что неверно так изображать дело. Мы должны и дальше вскрывать ошибочность и вредность, всю пагубность политики «левых» коммунистов в период Брестского мира. Мы помним знаменитую ленинскую статью «Странное и чудовищное», где Ленин дает им резкую оценку. Но все-таки об этих процессах мы сейчас все знаем, и так и надо объяснять, что это не были наймиты иностранных разведок, которые действовали в угоду этим разведкам. И так, как это «разоблачено» в фильме «Ленин в 1918 году», где показана роль Бухарина в содействии покушению на Ленина, — это тоже следует, видимо, отбросить как извращающее историю.

Идейная борьба была величайшей предпосылкой нашей победы. Ленин был непримиримым к своим противникам в период Брестского мира. Недопустимо освещать его так, как это делалось. Например, выступление Ленина 23 февраля вовсе не попало в новое издание его сочинений, в 4-е издание. А не попало потому, что Ленин делает там резкие замечания в адрес Сталина ²⁰. Поэтому надо быть во всеоружии фактов и так рассматривать идейную борьбу, которую партия вела против уклонов на всех этапах своего развития.

Говорят относительно того, что основной задачей журнала в данный момент стала борьба против последствий культа личности в исторической науке. Это верно. «Даже это совещание свидетельствует о том, что его пережитки живучи. Надо продумать целую систему организационных мероприятий для борьбы с этими пережитками (смех в зале). Очень бы помогло в этой области расширение раздела критики и библиографии. Вероятно, встанет вопрос о создании отдельного критического журнала». Думаю, что товарищ, написавший эту записку, прав. Только первую формулировку надо понимать в смысле идейной борьбы и никаких организационных мер в этом смысле принимать не надо. Но критическую часть журнала мы должны усилить. Однако это не должно означать призыва приклеивать ярлыки; я уже говорил, что ошибались все. Есть товарищи, которые недовольны, что мы поместили статью о Лихолате ²¹. Говорят — что вы критикуете? Нельзя так рассуждать. Для того, чтобы идти вперед, надо разобраться, как поступала критика в отношении прошлой, [до XX съезда], литературы и послесъездовской. Мы будем читать эту и предсъездовскую литературу с учетом тех обстоятельств, которые выявились. Во всяком случае, автор записки прав, выступая за усиление отдела критики.

«Нельзя ли сказать (хотя бы кратко) о развитии Советского государства и его функциях». Я не брался в своем докладе за такую задачу. Но совершенно ясно, что в числе других вопросов, требующих серьез-

ного осмысления, вопрос и о том, как в работах Сталина была развита ленинская и марксистская теория государства. Мы уже говорили о том, что неверно положение «по мере приближения к социализму классовая борьба обостряется», — сталинское положение, которое послужило обоснованием широко применявшихся в стране репрессий. Ведь всем понятно, что в 30-х годах, когда классовый враг был внутри страны слабее, количество репрессированных было неизмеримо больше, чем в тот момент, когда классовый враг вел против нас ожесточенную открытую борьбу в годы нэпа и другие времена. Совсем не стало кулачества, а у нас эта борьба продолжалась и репрессии увеличивались. Это положение должно быть отброшено.

Не отразилось ли это на теории государства? Да, отразилось. Этот вопрос требует осмысления. Но надо также поставить вопрос: а верно ли, что некоторые функции нашего государства, как говорил Сталин о всех функциях, должны усиливаться, расширяться? А верно ли, что он отверг формулу Энгельса об отмирании государства? ²². Если речь идет относительно внешних функций, то — да. Мы находимся лицом к лицу с капиталистическим миром, и поэтому наша внешняя функция должна быть укреплена. Мы должны быть во всеоружии, и наши органы, которые занимаются внешней охраной нашего государства, должны быть укреплены. Но должны ли быть усилены функции государства, направляющиеся внутрь нашей страны? Почему в своей работе «Государство и революция» Ленин говорил о государстве типа Парижской Коммуны и считал огромным достижением то, что мы идем по этому пути? У нас получилось несколько по-иному.

В области внутренней политики мы шли по линии увеличения нашего государственного аппарата, был некоторый отрыв его от широких масс. Почему у нас формы самодеятельности населения, его участия в производственной жизни страны в 20—30-х годах были шире, чем это имело место в 40—50-х годах? Почему мы не должны ставить вопрос о целом ряде государственных функций, которые должны сливаться с общественным участием, без участия такого посредующего звена, каким являются представители нашего государственного аппарата? Почему у нас не по этой линии шло развитие страны? Сталин оправдывал такое увеличение нашего государственного аппарата.

Я это говорю (как и все то, о чем я говорил) не от имени какой-нибудь организации. Я ни с кем это не согласовывал (смех в зале). Но я хочу высказать мнение, что «вклад», внесенный Сталиным в теорию государства, надо критически пересмотреть: не явился ли этот «вклад» обоснованием тех искажений и извращений, которые были в практике государственного развития?

«Как расценивает редакция итоги дискуссии об Иване Грозном, проведенной в Институте истории (в Москве)? Собирается ли редакция помещать статьи по этому вопросу, в частности статью Дубровского?» Мы расцениваем эту дискуссию как плодотворную. Итоги ее мы осветим (правда, до сих пор нам не дали стенограмму), и в частности поместим статью Дубровского ²³.

«Не кажется ли Вам, что пора поставить вопрос о систематическом издании (может быть, в виде подписного издания) полных протоколов съездов и конференций партии?» Я говорил, протоколы будут издаваться. «Они стали чуть ли не библиографической редкостью». Мы говорили об этом.

«Если предательство «левых» коммунистов в 1918 г. не соответствует действительности, то чем объясняются признания подсудимых на открытых судебных процессах 1936—1937 гг.?» Хочу напомнить вредную теорию, которая уже раскритикована журналом «Советское государство и право» ²⁴, где опровергнута теория Вышинского о том, что признание подсудимого является вполне достаточным доказательством для призна-

ния виновности. Это неверно. Признания подсудимых могут быть взяты самыми разнообразными путями. Мы знаем, в каких условиях это делалось. Поэтому одно признание не может быть доказательством виновности.

Могу сослаться на пример. Недавно состоялся процесс Багирова. В центральных газетах о нем не было ничего напечатано, это было сказано в газете «Бакинский рабочий» (и, надо прибавить, еще в зарубежных газетах) (смех в зале). В «Бакинском рабочем» была небольшая заметка об этом процессе. Был изложен приговор, который был вынесен Багирову и некоторым другим лицам, которых судили²⁵. Этих лиц судили на открытом процессе, один из старых бакинских большевиков был привлечен как свидетель. Из процесса Багирова ясно, что все дела были сфабрикованы, построены на фальшивках. Но людей, на которых были документы, заявления, нет; они расстреляны. Все эти люди теперь реабилитированы. Это показывает, что открытые процессы и признания не являются гарантией виновности (с места: Приговор был какой?). Багиров, Григорян и другие министры госбезопасности Азербайджана присуждены к высшей мере наказания. Два других подсудимых (Емельянов и другой) приговорены к 25 годам заключения. Этот процесс выявил страшные вещи, которые творились в Азербайджане по указанию свыше, ту страшную обстановку, когда был истреблен весь руководящий актив — бакинский, азербайджанский, честные, хорошие коммунисты.

«Каково Ваше мнение о положении Сталина о направлении главного удара по соглашательским партиям, против меньшевиков и эсеров в 1917 г., против социал-демократии в послеоктябрьский период?» Мне кажется, что это положение²⁶ неверно и оно дезориентирует кадры. Получается, что мы видели главного врага прежде всего в меньшевиках и социал-демократии. Главным врагом был царизм, и главный удар направлялся против него, а в 1917 г. — против буржуазной власти Временного правительства. Для того, чтобы победить главного врага, нужно было ликвидировать засилье соглашательских партий. Но у Сталина такая формулировка, как будто изоляция соглашательских партий есть средство, способ борьбы с классовым врагом, без этого невозможна борьба. Я подлинных слов его не нашел, но дело в том, что вся его теория была так построена. Это, конечно, [следует оценивать] отрицательно.

«Как следует расценивать историческое наследие Покровского?» Я уже сказал, что мы не можем зачеркивать Покровского. Мы должны признать его большие заслуги в разработке многих вопросов русской истории, в борьбе против буржуазной историографии. Он первый занялся буржуазной, дворянской русской историографией и написал о ней книжки, статьи. И дальше, если говорить, он первый выступил против троцкистской концепции революции 1905 года. Всего этого забывать нельзя. Роль его большая. Другой вопрос, что Покровский сделал много ошибок, вульгаризаций, упрощений в отношении метода диалектического материализма и т. д. Это тоже надо вскрывать, но нельзя его так зачеркивать, нельзя превращать его имя в ругательную кличку. Каких только эпитетов мы ему не дали: «антиленинец», «антимарксист». Нельзя забывать, когда он писал. Надо найти его историческое место.

Сейчас, когда прочитываешь работы Покровского, то понятно, что наука пошла дальше. Попутно замечу: я не хотел сказать, что в 20-х годах наука была выше. Но во многих вопросах мы писали правдивей тогда, потому что потом не давал такой возможности культ личности (оживление в зале). Конечно, мы пошли дальше Покровского, но не надо его зачеркивать, тем более, что он играл крупнейшую роль в развитии нашей культуры. Он первый крупный ученый, возглавлявший Государственный ученый совет, проводивший огромную работу в Наркомпросе по организации рабфаков. А сейчас все это зачеркивается. Был большой спор — помещать ли портрет его в «Историю Московского университета». Кажется, так и не поместили. А как же так, говоря об истории Москов-

ского университета, не говорить о Покровском? Надо исторически правильно определить его роль.

«Как вы объясняете тот факт, что вопросы истории Востока не нашли отражения на совещании?» Я очень мало касался и других вопросов, и так я долго говорил. Историческая наука необъятна, очень дифференцирована. Может быть, мне пужно было больше остановиться на вопросах истории Востока; я вскользь сказал о национальном движении, о национальной буржуазии на Востоке. Многие вопросы, конечно, не нашли отражения в моем докладе. Востоком надо заниматься больше. На XX съезде партии было подвергнуто серьезной критике состояние востоковедения. Действительно, сейчас реорганизуется Институт востоковедения, есть решение о создании Института восточных языков при МГУ, кажется, с семигодичным сроком обучения. ЦК занимается специально этим вопросом. Дело дошло до того, что не так давно, пять-шесть лет тому назад, у нас закрыли совсем учебные заведения, готовящие кадры востоковедов. Сейчас это вопрос для нас важный, существенный. Мы собираемся выступить с анализом журнала «Советское востоковедение». В этом смысле мы должны помогать нашим коллегам, потому что журнал «Советское востоковедение» в вопросах исторических (там есть и филология) слабо удовлетворяет вопросы научной общественности.

«Считаете ли вы правильным, что некоторые редакторы не дают возможности писать о «грехах» наших «друзей», например, о колониальной политике Англии в середине XVII века?» Все это связано с работой редакторов наших журналов. Часто мы говорим о конъюнктурщине, некоторые подвержены этому обстоятельству. Они следят за газетами, считают: если Булганин и Хрущев поехали в Англию, то книжку по истории Англии XIX в., где говорится о колониальной политике, лучше сейчас не выпускать. Я знаю, что московским издательством был задержан выпуск книги об Англии эпредь до результатов беседы Идена с Хрущевым и Булганиным. Это и есть та самая конъюнктурщина, о которой мы говорим. То же о лейбористах. Надо говорить о другом отношении к лейбористам, чем было, наладить отношения с ними. Но это не означает, как решили некоторые редакторы, что о тред-юнионах и их оппортунистической политике говорить не нужно. Это неверно так же, как неверно мы относились к другим организациям, то есть ругали их, а надо сейчас разобраться, что такое тред-юнионы, что такое лейбористы. Надо подвергнуть анализу вопрос о том, почему английский рабочий класс идет за лейбористами, а не за коммунистами. Поэтому конъюнктурные соображения надо отбросить и заниматься вопросами истории независимо от сегодняшних встреч и проводов.

«Как вы относитесь к деятельности русского Министерства иностранных дел XIX в., направленной на установление торговых отношений с соседними азиатскими государствами?» Торговые отношения — дело хорошее. Но мы говорим о колониальной политике, о захватнических действиях самодержавия.

«В своей статье в № 4, 1956 г. вы цитируете Шляпникова, а также ссылаетесь на книжку «Первый легальный ПК». В связи с этим возникает вопрос: имеются ли какие указания о правилах использования литературы, находящейся в спецхранилищах, так как еще недавно запрещалось ссылаться на эту литературу». Я действительно взял это из спецфонда. Действительно, книга Шляпникова находится в спецфонде. Это и в самом деле так. Вопрос о спецфонде надо поставить (с места: Вы поставьте). И вы, и мы, снизу и сверху, помните, как Ленин говорил в 1905 г.: нужно сверху и снизу действовать.

Я цитировал Суханова, Ленин пишет о Суханове. Ничего опасного в том, чтобы дать его книжку в руки читателю. Получается, что раньше она была доступна более широко, когда было больше враждебных элементов, когда сознание было ниже, когда морально-политического един-

ства не было, а когда имеется морально-политическое единство, то мы засекречиваем протоколы Петербургского комитета партии. Это недопустимая вещь. Давайте вместе действовать в том направлении, чтобы этот секретный фонд сократился (с места: И вообще ликвидировался бы).

«Реабилитирован ли Шляпников?» Я не знаю, как не знаю и того, за что и когда его осуждали. Шляпников был лидером «рабочей оппозиции», выступал против партии на X съезде с платформой. Партия осудила его (но однажды мне говорили уже, что он был реабилитирован). [Надо различать], за что, когда, в чем дело? Ведь мы разбираем 1917 год. Почему же нельзя объяснить деятельность Шляпникова, как он действовал? Он был членом Бюро ЦК партии, руководил им до возвращения Каменева, был первым человеком в этом бюро. Были там Молотов, Залужский. С такой точки зрения подходить нельзя. Поэтому многие говорят: если фамилия упомянута, значит реабилитирован. Я не знаю, что дальше со Шляпниковым было ^{26а}.

«В той же статье вы писали, что Зиновьев выступал на Апрельской конференции в защиту тезисов Ленина...» Ну, что ж? Выступал. Мы должны устранить фальсификацию истории. Если мы хотим это сделать, то нельзя одну фальсификацию заменять другой. Дальше в записке говорится: «А также указывали, что он избирался в президиум конференции и в ЦК? Какой смысл в этом? Не является ли это совсем не нужной популяризацией врага и предателя партии». Вот, товарищи, в результате искажения истории, в результате того, что мы выбросили все фамилии, получается, что всюду действовали Ленин и Сталин. Выборы президиума — входят Ленин и Сталин, а потом, может быть, Орджоникидзе или Свердлов и др., и в этом «др.» все заключается. Но ведь ЦК не из двух-трех человек состоит. Неужели так Ленин мог руководить, — опираясь на двух человек? Зиновьев играл большую роль, что же это скрывать. Сейчас по протоколам можно увидеть: городская Петербургская конференция, председатель — Ленин; председатель — Зиновьев; Апрельская конференция, Ленин выступает с несколькими докладами, но с четырьмя докладами на конференции выступает Зиновьев и по всем этим вопросам защищает ленинскую точку зрения. После этого читатель открывает «Краткий курс» и читает: на Апрельской конференции партия разоблачила оппортунистическую, предательскую линию Зиновьева, Каменева, Бухарина и еще кого-то; причем Бухарина, которого вообще не было на Апрельской конференции. Ну нельзя же допускать такое извращение — Ленин боролся с Зиновьевым на Апрельской конференции по вопросу об Интернационале?!

Апрельская конференция по предложению Зиновьева приняла ошибочное решение, и потом ЦК исправил это положение ²⁷. Так надо и написать. Но написать, что Зиновьев занимал такую же линию, как и Каменев?.. Не занимал. В октябре — да. Так напишите о штрейкбрехерстве, о предательстве, об изменах. Начало Октября — вот тогда Зиновьев и Каменев неотделимы, хотя Зиновьев немножко раньше отошел, а в общем они занимали одну позицию. Почему же не написать так? Раз восстанавливать правду, так нельзя восстанавливать четверть правды! Надо восстанавливать всю правду.

«В важной переписке в № 3 за 1956 г. среди прочих отрицательных явлений отмечен и антисемитизм. Является ли это лишь стыдливым упоминанием или этот вопрос найдет в журнале свое раскрытие и развитие? Будет ли «Вопросы истории» интересоваться конкретное проявление антисемитизма, свившего себе гнездо во многих исторических трудах?» Если речь идет об исторических трудах, то это должно интересоваться наш журнал, и мы должны занимать правильную ленинскую линию. Конечно, если речь идет об истории. Например, разработка ленинской национальной программы. Если это будет относиться к истории, то это натолкнет

наш журнал выступить в защиту ленинских принципов во всех вопросах, в том числе и в этом.

«Нельзя ли узнать мнение редакции о дискуссии по поводу пожара Москвы, поднятой старой редакцией «Большевика» в 1951 году. Известно, что кличка антипатриотов прочно была приклеена к тем, кто усомнился в том, что Москву поджег Наполеон (покойный акад. Тарле). Зачем понадобилось разбить славу народа, уничтожившего столицу, чтобы погубить врага? Почему эта нелепая «дискуссия» подверглась умолчанию?»

Видимо, к этому вопросу действительно надо вернуться, потому что, собственно, никакой дискуссии не было. Написал статью Кожухов, директор Бородинского музея²⁸. «Коммунист» эту статью [напечатал], а Евгению Викторовичу защищаться было трудно и он согласился²⁹. Конечно, к этому вопросу нужно вернуться и рассмотреть его, потому что это не дело — одна статья и все. Если одна статья, то хотя бы и правильная, но без проверки, и так без обсуждения целый вопрос зачеркнули.

«Какое количество работ ленинградских историков было получено редакцией за 1955 г. и каково процентное отношение последних к напечатанным?» Я точных данных не имею. Сейчас в редакции статей очень много, свыше 500 материалов. На 50 статей у меня есть список. Если кто из присутствующих хочет узнать о положении со своими статьями, я прошу ко мне подойти. В ближайших номерах 5, 6, 7 будет помещено 10 статей.

«Что правильно и что неправильно в материалах о процессах 1936—1937 гг.?» Этот вопрос исследуется; мне трудно сказать. Это дело судебного рассмотрения.

«Почему вы противопоставляете Парижскую Коммуну (диктатура пролетариата) демократической республике? Разве Парижская Коммуна не была демократической республикой?» Я как раз хотел подчеркнуть, что нельзя так ставить вопрос, говорить, что Энгельс, говоря о Парижской Коммуне, был за демократическую республику, а Ленин за Советы. Ведь Парижская Коммуна это тоже особый тип демократической республики. Парижская Коммуна представляет необычный тип демократической республики. Когда Ленин говорил о Советах, то он, вспоминая о Парижской Коммуне, говорил, что нужно создать республику типа Парижской Коммуны.

«Не кажется ли вам, что элементы конъюнктурщины и «политики, опрокинутой в прошлое» имеются в установившемся у нас взгляде на так называемый норманский вопрос? Бесспорно, что ни у одного народа государственность не возникала в результате внешнего завоевания, не была она и в России принесена варягами. Но почему нужно во что бы то ни стало считать самое имя «русь» (ср. финское ruotsi) славянским, а не норманским?» Этот вопрос подвергался обсуждению и, по всей вероятности, требуется, чтобы все преувеличения были отброшены.

«Что нового внес т. Сталин в теорию коллективизации (в частности, его формула «ликвидации кулачества как класса» на базе сплошной коллективизации)?» Конечно, это формула, внесенная Сталиным. Это и есть то новое, что Сталиным было внесено (смех в зале.)

«Каково положение с разработкой периодизации и учебника по истории КПСС?». Что касается периодизации истории советского общества, то в 6-м номере была помещена редакционная статья. Соображения, которые были там высказаны, мы не считаем окончательными, подводим итоги дискуссии. Что касается учебника по истории, то он пишется, срок этой бригаде дан — год. К апрелю следующего года она должна дать макет этого учебника. В бригаду входит много товарищей: возглавляет Пономарев, входят Волин, Минц, Шаталин. В общем, большая бригада. Видимо, там будет дана другая периодизация, чем в «Кратком курсе».

«Будет ли выпущена 3-я часть «Истории СССР» и скоро ли?» Бригада, которая сейчас над ней работает, находится в подмосковном сана-

тории (смех, оживление в зале) и завершает работу. Я тоже автор одной из глав. Редактор сейчас находится там; заканчивается редактирование, срок у них жесткий, они должны к 1 июля сдать рукопись. Предполагается, что книга должна выйти к новому учебному году.

«Какова судьба «Истории гражданской войны»?» 3-й том ее неоднократно менялся, потому что менялись конъюнктурные обстоятельства. Одним словом, макетов очень много. Сейчас готовится еще один (смех в зале). Будет ли этот макет окончательным, трудно сказать.

«Как с принципом «меньшего зла»?» Я уже говорил, что отбрасывание этой формулы едва ли правильно, потому что это приводит к тому, что снимает вопрос о колониальной политике. Конечно, господство царизма было злом. Другое дело, что оно было злом меньшим для Закавказья, чем иго Ирана. Поэтому теория «меньшего зла» должна быть восстановлена. В отношении всех народов нельзя ее вообще применять. Но в отношении Украины никакой такой теории нет.

«Чем объяснить полное игнорирование советскими историками книги Маркса «Тайная дипломатическая история XVIII в.» (за исключением отдельных цитат). Почему до сих пор не переведена эта работа Маркса? Когда будет переведена? Собирается ли редакция высказаться о значении этой работы Маркса, очень высоко оцененной Лениным (в работе «К. Маркс»)?» Да, это вопрос серьезный. Эта работа до сих пор не издана. Мы сейчас напечатали эту работу на ротаторе. Пытались посоветоваться, как быть. В журнале печатать невозможно. Мы обратились в Институт марксизма-ленинизма. Его ответ: мы не можем ни одну работу Маркса дать, если есть неправильные моменты. Пусть историки вмешаются. Там много есть неправильностей, но надо разобраться. Читателю надо дать работу в полном виде³⁰. В результате эта работа не издана. Оттуда выдираются отдельные цитаты, причем делается это недобросовестно (это делалось в отношении всех работ), в частности о том, что великие державы должны иметь выход к морю³¹. Пора покончить с фальсификацией. Нужно публиковать полный текст работы.

«Есть предисловие В. И. Ленина к «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровского; в нем Ленин очень высоко ценил его историю». Будем надеяться, что оно будет перепечатано в новом издании Ленина³².

Здесь товарищи выражают некоторое несогласие: «Противопоставление цитат Сталина и Ленина об оценке русско-японской войны необосновано. Каждая из цитат в отдельных исторических условиях правильна, и не надо шарахаться из крайности в крайность. Надо меньше заниматься самобичеванием, надо меньше искать причин, что привело нашу историческую науку в тупик, а более заниматься кропотливой исследовательской работой, проявляя при этом свою принципиальность и научную честность, тогда больше будет пользы. Много трескотни, но мало дела». Думаю, что каждый может остаться при своем мнении.

«С какого периода следует считать предателями революции Троцкого, Каменева и Зиновьева, Бухарина?» На все вопросы сейчас ответить невозможно, как и на этот вопрос. Во всяком случае, нельзя сводить идейную борьбу к простому предательству, как это делалось.

«Правильно ли освещалось в учебнике, что разгром Деникина — это целиком стратегический план Сталина, какое отношение имел к этому Ленин?» За недостатком времени ответить мне трудно, но первый план разгрома Деникина был разработан и утвержден ЦК партии. В тех условиях это было, видимо, правильным и нельзя считать его троцкистско-предательским, как это делалось. Обстановка изменилась, и ЦК принял другой план. В разработке этого плана играл большую роль Вацетис, главнокомандующий. Я хочу сказать, что Сталин выступил в защиту этого плана. Он говорил в своем письме, что принятый план плохо выполняется. Он обосновывал это, и в письме он защищал этот план, но не он являлся автором этого плана.

«Не назрела ли необходимость создать журналы западноевропейской истории, истории СССР, истории КПСС, истории народов СССР?» Вопрос об этом давно уже стоит. Но дело не движется.

«Как следует ставить в настоящее время вопрос о роли Л. Д. Троцкого в гражданской войне? Можно ли рассматривать эту роль как чисто негативную?» У Троцкого были ошибки, которые поправлял ЦК, поэтому лучше не объяснять всю его роль предательством. Мне кажется это неправильно.

«Не известно ли вам, как после ликвидации газеты «За прочный мир...» будет налажена информация о деятельности зарубежных коммунистических и рабочих партий?» Видимо, в нашей общей печати будет отдел. Детальнее мне ответить трудно.

«Вы в своей статье цитируете Шляпникова, Раскольников. Значит ли это, что они реабилитированы?» Ни то, ни другое не значит. Я насчет их осуждения ничего не могу сказать. Раскольников был полпредом в Болгарии. В 1938 г. он не возвратился в СССР. Но всем должна быть понятна обстановка 1938 года. Раскольников ни в каких оппозициях не участвовал, сыграл очень крупную роль в 1917 г., крупную роль играл в строительстве нашего флота на Волге, в гражданской войне. Никаких выступлений против Советского государства, когда он остался за границей, тоже не допускал. Никаких оснований, чтобы опорочить деятельность Раскольникова в 1917 г. и в годы гражданской войны, у нас нет. Сейчас мы можем сказать о Зофе, который тоже (с места: реабилитирован?) играл большую роль так же, как и Дыбенко. Это строители нашего флота, мы должны выделить их роль в нашей истории.

«Скажите о работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». О всех вопросах мне трудно говорить. В языкознании я не считаю себя компетентным.

«Вошел ли кто из ленинградских историков в бригаду по составлению нового учебника по истории КПСС?» Мне трудно на этот вопрос ответить.

Ставится вопрос: «Не восстановить ли старые журналы, которые были когда-то популярными». Все эти вопросы решает не наша редакция. Мы были бы только рады, если бы возникли еще журналы — наши товарищи по оружию. Нам было бы легче. В отношении популярной литературы.

Товарищ пишет: «Если нет денег на издательство, то не создать ли кооперативное издательство? (смех в зале). Почему можно иметь дачный кооператив, а нельзя издательский?» У нас существует единое издательство — Госполитиздат, который носит официальный характер. При издании им любой книжки за границей сразу говорят: ого! Ваше государственное издательство издавало... В этих же целях создавалось Общество политических и научных знаний. Но это общество превращается в бюрократическое. В этой области нам нужны какие-то формы. Товарищи хотя и смеялись, но какие-то формы общественной жизни нужны. Нельзя, чтобы все делалось одним государством.

«Как сделать, чтобы наши историки не так быстро отказывались от своих взглядов?» (смех, оживление в зале). Им надо прочней стать на ноги. Для этого надо нам говорить более решительно, чтобы действительно не поддаваться всей этой конъюнктурщине.

«Как расценивать надпись на венке, возложенном Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным в Лондоне на могиле жертв первой и второй мировой войны, где говорилось о совместной борьбе за освобождение в обеих войнах?» Там слова «освобождение» не было. Но думаю, что историки не должны руководствоваться надписями на венках.

«Разве не В. М. Молотов в речи на праздновании десятилетия советско-французского договора 1944 г. в хвалебном тоне говорил о традициях русско-французского союза?» Молотов мог это сказать на каком-то приеме, но ведь мы историю пишем.

«Хочется высказать пожелание, чтобы журнал дал статью против недопустимо длительного и бюрократического прохождения подготовленных к печати работ. На это согласование уходит больше времени, чем на написание». Это правильно. Но, видимо, более решительные меры должны быть приняты и вообще, и чтобы меньше сокращений было.

«Сохраняется ли сейчас периодизация трех походов Антанты?» Ну, что значит «сохраняется ли»? Мне представляется, что гражданскую войну так разделять неправильно. Почему первый и второй походы должны рассматриваться как единый период? Но это не значит, что не было таких походов. Другой вопрос — дать ли строгую периодизацию.

Товарищ справедливо пишет — почему я не сказал об истории Коминтерна. Действительно, это серьезный вопрос. Историей Коминтерна мы не занимались. К сожалению, это затруднено. На ближайшее время мы заказали некоторые статьи. Этот интересный вопрос тоже требует критического рассмотрения. Ленин вел очень большую борьбу на два фронта — против правых оппортунистов и против сектантов. Но вместе с тем надо поставить вопрос и о следующих этапах; историк должен задуматься, почему в ряде капиталистических стран коммунистические партии не пользуются серьезным влиянием в рабочем классе. Видимо, целый ряд вопросов критически надо рассмотреть, в том числе вопрос тактики Коммунистического Интернационала.

Товарищ далее спрашивает — открыт ли доступ историкам к архивным материалам по этой теме. К сожалению, не открыт. Что касается издания документов Коминтерна, то они давно не издавались. Вышел сборник, зеленая книжка, но так как там было указано, что под редакцией Бела Куна, то книжку изъяли. Потом выяснилось, что история с Бела Куном является фальсификацией, но и вне зависимости от этого сборник должен быть восстановлен. Однако нужны новые публикации статей, материалов.

«Не пора ли пересмотреть вопрос об ориентировке коммунистического движения на VI конгрессе (1928 г.) в отношении к социал-демократии, в частности, в отношении к левым социал-демократам. Как известно, точка зрения Сталина не была единственной по этому вопросу». Мне трудно вникать во все подробности, но к оценке социал-демократов, в частности, к правомерности оценки их как социал-фашистов, нашим исследователям следует вернуться.

«Как следует понимать «скачок» и «взрыв»?» Мне трудно сейчас на этом останавливаться. Как это — скачок без взрыва? ³³. Это вызывает недоумение.

«А какими источниками пользовались «Вопросы истории» при упоминании о реабилитации лиц, не упоминавшихся на XX съезде КПСС? Не предполагается ли какая информация вообще о реабилитации?» Не знаю, какая может быть информация. Невозможно списки реабилитированных опубликовать. Во всяком случае, у нас есть некоторая информация по линии Главлита, когда речь идет о том, что упоминание о таких-то людях можно делать.

«Почему открытый судебный процесс Багирова не был освещен в прессе СССР? Признавал ли Багиров свою вину?» Мне ответить трудно на этот вопрос. Багиров признал свою вину и в заключительном слове выступил с полным признанием всех обвинений.

Постараюсь коротко высказаться в связи с нашими прениями. Конференция, которую мы провели за два дня, прошла очень плодотворно, прения были очень интересными и показали, что ленинградские историки правильно реагируют на все вопросы, вытекающие из решений XX съезда партии. Само собой разумеется, что у меня нет никакой возможности останавливаться на всех этих выступлениях. Я могу только сказать, что стенограмму нашего сегодняшнего совещания мы доведем до сведения нашей редакции, изложение выступлений товарищей будет опубликовано ³⁴.

Замечания, направленные на улучшение нашего журнала, мы постараемся учесть в дальнейшей работе. Остановлюсь на вопросах, которые вызвали здесь особенную полемику.

Вопрос такой, который был поднят в выступлении гг. Волка и Бернадского: нет ли традиции в том, что как Советское государство, так и царизм защищают национальное государство, границы, национальную независимость и т. д. Мне кажется, что хотя народ наш вел отечественные войны, защищаясь от иноземного нашествия, отстаивая свою национальную независимость, однако все-таки мы не можем устанавливать такую преемственную связь, так как Великая Отечественная война, которой руководило наше государство, не похожа на Отечественную войну против Наполеона. Целый ряд коллизий нам надо учитывать. Ведь царское правительство враждебно относилось к народу, поэтому нельзя устанавливать такую преемственную связь.

В установлении такой преемственной связи нельзя все приписывать Сталину, но, в частности, это идет от него. Прошло как-то незамеченным такое обстоятельство, как беседа Сталина с Черкасовым в связи с фильмом «Иван Грозный». Беседа эта была изложена в книжке нашего крупного артиста Н. Черкасова. В этой беседе Сталин, говоря о государственной деятельности Грозного, рассказывает Черкасов, заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. Говоря о прогрессивной деятельности Грозного, Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввел монополию внешней торговли, что после него сделал только Ленин. Вот такая преемственность. Но разве можно проводить какую-нибудь параллель, связь между этими явлениями? Я не буду говорить о других случаях, потому что здесь налицо страшная апология. Но это не имеет отношения к внешней политике.

Сталин в этой беседе, отметив прогрессивную роль опричнины, сказал, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией. Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Сталин отметил, что «одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами — если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени... И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что «тут Ивану помешал Бог»: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает «грех», тогда как ему пужно было бы действовать еще решительнее!.. В конце беседы Иосиф Виссарионович спросил, как мы думаем заканчивать фильм. Я ответил, что... фильм должен заканчиваться ливонским походом и победоносным выходом Ивана IV к морю... Он заканчивает фильм словами: «На морях стоим и стоять будем!». Товарищ И. В. Сталин улыбнулся, и весело воскликнул: «Ну что же! Ведь так и получилось,— и даже намного лучше!» (смех в зале)³⁵. Это опубликовано. Комментарии здесь совершенно излишни.

Таким образом, все-таки мы должны указать на то, что связь внешней политики начинается с Декрета о мире и этим декретом определяется (с места: Правильно). Вы помните, какое значение имела публикация тайных договоров. Советское правительство заявило, что все эти договоры мы ликвидируем, что ничего общего с прошлой политикой мы не имеем, поэтому резкое отмежевание только на пользу нам. А враг использовал эту аналогию. Разве в зарубежной реакционной печати не говорится о том, что Советский Союз проводит ту же политику, что и царизм? Мы должны отмежеваться, все это против нас — это стремление показать, что мы имеем какие-то национальные государственные интересы, которые когда-то защищал царизм.

Второй вопрос, на котором я хотел остановиться, это выступление тов. Бондаревской по поводу Петербургского Совета. Речь идет об одной

статье, но эта статья имела для нас принципиальное значение. Мы поместили статью Петровой. Мы сами чувствовали, что статья имеет некоторые недостатки, не исчерпывает вопроса. Вопрос о Петербургском Совете требует дальнейших исследований, это очень сложный вопрос. Но мы хотели показать этой статьей неправильное положение «Краткого курса». Там было написано, что в то время Петербургский Совет находился в руках меньшевиков и его деятельность осуждалась, а Московский Совет находился в руках большевиков, поэтому вел правильную линию. Получалось, что один Совет — меньшевистский, другой — большевистский, но это не партийные комитеты, а Советы рабочих депутатов. Поэтому мы не должны так расценивать. Конечно, мы должны говорить об ошибках. Тов. Бондаревская здесь говорила, что статья Петровой противоречива. Так в чем же она видит противоречивость?

Петрова пишет, что Петербургский Совет не использовал возможности, которые имелись, не готовил массы к восстанию, несмотря на их готовность выступить, а Комитет РСДРП ограничился призывом к забастовке. Значит, недостатки, ошибки, указанные в этой статье, были связаны с тем, что в Петербургском Совете сидели меньшевики. Но это не снимает огромного исторического значения первого настоящего Совета рабочих депутатов. Иваново-Вознесенский Совет, как не очень ясно написано в «Кратком курсе», был одним из первых Советов и сыграл свою роль. Но разве можно сравнить деятельность Иваново-Вознесенского Совета с деятельностью Петербургского? Иваново-Вознесенский Совет существовал в связи со стачкой; когда стачка закончилась, Иваново-Вознесенский Совет прекратил свое существование. Там тоже был зародыш Советской власти.

Но неверно утверждает Бондаревская, что Петербургский Совет был создан для стачки и его роль только стачкой ограничивалась. Его роль выросла далеко за рамки стачки. Петербургский Совет объявил политическую стачку в октябре, это совсем не то, что борьба за экономические интересы. Ведь вопрос о свободе печати, о восьмичасовом рабочем дне, выпуск знаменитого манифеста, который был распространен по всей России! Петербургский Совет пользовался громадным авторитетом среди рабочих. Почему мы должны это зачеркивать? Это в зародыше был новый орган власти, но руководство не вело дела так, как предлагал Ленин. Это нельзя забывать.

Тов. Петрова привела много фактов. Эта статья Петровой была первой. Было бы приятней, чтобы Институт истории партии выступил [но этого нет], а когда появилась первая статья, товарищи хотят ее зачеркнуть. Совсем другой товарищ, не из Ленинграда, защищал диссертацию на тему о Богдане Кнунянце. Мы в ближайшее время поместим его статью. Дайте и вашу статью; мы поместим, если вы дадите обоснованную статью, а не просто — для того чтобы зачеркнуть Петербургский Совет. Зачем зачеркивать одну из важнейших страниц в истории первого нашего Совета?

Тов. Бондаревская говорила о неоднократной критике Лениным Петербургского Совета. Я не ручаюсь, я не занимался специально этим вопросом. Но я не знаю ни одного выступления Ленина, где бы Петербургский Совет осуждался. Говорят о книжке Богдана Кнунянца. Если вы, тов. Бондаревская, обвиняли Петрову, что она не так объясняет, то из этой книжки вы только одну цитату привели. Он все время говорит: мы ошибались, мы не осуществляли руководства. Он говорит: мы действовали перешителю: массы были более решительны. Мне сказали, что в Институте истории партии есть товарищи, которые стоят на этой точке зрения. Я надеюсь, что в работе Института будет осуществлен более объективный подход к этому делу, а не просто так, что давайте зачеркнем все, что точка зрения установилась. Ведь в науке не может быть раз навсегда установленной точки зрения, если есть основания к изменению.

В связи с моей статьей насчет Шляпникова, Раскольников, Зиновьева я уже ответил. Что касается даты обращения Петроградского Совета, то здесь, конечно, тов. Бондаревская может сказать: откуда вы взяли эту дату? Почему в «Правде» дата написана «26», а я написал «28». Тов. Бондаревская отсюда заключает — не сделал ли я это с целью, чтобы опровергнуть Бюро ЦК, передвинув на два дня эту дату, потому что тогда получается, что воззвание было 26-го, когда Совет еще не был организован, а только начал организовываться, поэтому не могло быть воззвания. А я пишу — 28-го Совет был уже создан. Тогда значит, что я осуждаю ЦК.

Шляпников, его три тома «1917 года» — очень хороший источник для изучения этого периода, несмотря на то, что к этому источнику надо подойти критически. Вы хотите защитить Бюро ЦК, сказать, что оно вынесло такое постановление 26-го, и говорите, что я неправ. Тогда для проверки давайте возьмем эти два источника: «Известия» и «Правду». Давайте возьмем третий источник. Это — Шляпников. Шляпников по числам упоминает, что было 26-го, 27-го, и у него даже такие главки: Что было 26-го? Он пишет: «В Таврический дворец я пришел 27-го. Молотов дал мне текст манифеста ЦК партии. Вместе с Молотовым мы этот манифест исправили, сдали в редакцию, и 27-го он был опубликован в «Известиях». Шляпников правильно пишет, а «Правда», которая вышла через несколько дней, дату поставила ошибочно.

Я виноват в том отношении, что должен был оговорить это в своей статье, что в «Правде» дата указана ошибочно. Я сделал эту оплошность. Но никаких дат я не искажал, а в действительности Манифест был издан 28-го (с места: Вы не могли бы обратиться к Молотову за подтверждением? На Манифесте дата стоит 27-го, но на улицах Петрограда он появился 27-го³⁶. Это я помню, как житель Ленинграда). Я основываюсь на воспоминаниях Шляпникова³⁷.

Теперь относительно выступлений ряда товарищей по поводу того, чтобы мы уделяли внимание вопросам общей истории. Совершенно правильно поставлен вопрос. Наша редакция должна была больше уделить внимания вопросам новой и новейшей истории. Совершенно правильно товарищи поставили вопрос, что нужны другие журналы. Смешно сказать, в маленькой Бельгии, Голландии существует больше исторических журналов, чем у нас. Конечно, мы должны усилить внимание к новой и новейшей истории. Мы должны выделить из нашего журнала вопросы истории партии в отдельный журнал. До войны существовал журнал «Пролетарская революция», однако теперь его нет. Нужно изменить самый характер журнала. Мы на редколлегии этот вопрос не обсуждали, но из всех наших конференций следует сделать вывод, что характер нашего журнала должен быть несколько изменен. Если будут созданы такие специализированные журналы, то мы должны сосредоточиться на больших проблемах и спорных вопросах истории. Например, раздел «Собщения», который занимает значительное место, должен отойти в специализированный журнал, потому что нам нужно на других вопросах сосредоточиться.

Нужны ли редакционные статьи? У нас нет директивных статей, однако появление редакционных придает им характер директивности. Надо подумать. Мы стараемся не перегружать журнал этими статьями. Мы хотим, чтобы журнал был менее догматичным, особенно потому, что он единственный. Рецензий в другом журнале не может быть, так что получается единственная оценка данной книги.

Нужно ли нам по всем дискуссиям подводить итоги? Я думаю, что не нужно. Мы до сих пор стремились к этому. Нас обвиняли: почему вы, начиная дискуссию, не знаете, чем она закончится, вы пускаете ее на самотек (смех в зале). Но если мы знаем, чем эта дискуссия закончится, то зачем ее начинать? Думаю, вовсе не обязательно, чтобы журнал по

каждому вопросу высказывал свою точку зрения. Например, поместили мы статью дискуссионного порядка о петрашевцах. Почему мы по каждому вопросу должны подводить итоги? Это сковывает развитие науки. По главным, принципиальным вопросам это должно быть, но по частным вопросам пусть историки остаются при своем мнении.

Может быть, нужно заняться вопросами развития исторической науки. Но мы не решаемся. Это большая область. Мы еле с научными вопросами справляемся. Но вопрос этот, видимо, газрел — о состоянии нашей науки и ее развитии. Здесь говорили о планировании науки. Это правильно, что наука должна развиваться по определенному плану, не должно быть параллелизма. Но есть у нас другой недостаток. У нас, может быть, слишком все запланировано. Науку надо развивать другим методом, чем мы развиваем хозяйство, в смысле терминологии, методом руководства и т. д. Нужно предоставить свободу творчеству. Многотомные издания мешают людям публиковать плоды своих научных работ, по-своему подвести итоги. Надо больше свободы предоставить научному творчеству. Другими методами надо руководить наукой.

Еще частный вопрос, который затронул тов. Волк. Что произошло с его заметкой? Это была типичная конъюнктурщина, когда вы вместе с другими товарищами выступили против Тотлебена³⁸ (с места: Против идеализации). Психологию каждого поступка трудно изучить. Чем бы это ни было вызвано, но вы выступили в тот период, когда развернулась борьба против иностранных фамилий, и вот «затесался» среди Нахимова, Корнилова — Тотлебен. Историки все писали о нем как о крупном строителе береговых укреплений, а вы решили его уничтожить. Вы говорите, что выступили против идеализации. Нет, ваша статья была прямо направлена на то, что Тотлебен — вредитель Севастопольской обороны; не просто, что у него были ошибки, как у каждого, а фактически вы его совершенно отбросили, оттеснили от защитников Севастополя. А он сыграл большую роль (с места: Эта ошибка была исправлена). Нет, к сожалению, мы поместили вашу статью с такими же ошибками. Вместо того, чтобы понять это, вы напрасно упорствуете. Мы, может быть, действительно должны были ответить на ваше заявление. Но, к сожалению, поступало столько писем... Вы даже обратились с фотографиями не только к нам, а в более высокие инстанции. Все эти фотографии посланы более высоко и там разберутся (с места: Вопрос обсуждается).

Вы помните, прежде чем помещать заметку против вас³⁹, мы приглашали вас в Москву на совещание в редакцию. Вы пришли к нам, и вы видели, с какой болью говорили крупные инженеры об этом? В результате вашей заметки хотели снять памятник Тотлебену, экспозиции Военно-морского музея были изменены. И все участники совещания, и адмирал флота Исаков (который больно воспринимал все это), все высказались против того, чтобы так изображать дело. Вы должны помнить, как старый седой генерал отметил вашу такую запальчивость, которую вы проявляете, и сказал, что прежде чем обвинять людей, должно знать вопрос досконально (с места: Он сказал другое: «Мы воевали, а вы нет»).

Последнее, уже не столько относящееся к самому журналу. Мы, конечно, все, товарищи, переживаем сейчас трудные минуты, дни, месяцы, но я бы сказал, что очень радостное время сейчас мы переживаем (аплодисменты). Мы сейчас действительно находимся на крутом, серьезном повороте. Конечно, много опасностей. Здесь говорилось об этом. Есть опасность излишней торопливости. Есть опасность, что мы сделаем ошибки. Но и есть опасность — не спешить. Что ошибки у нас будут, это неизбежно. Но есть еще вторая опасность, о которой я хочу сказать, это — не спешить.

Говорят: вот мы поставили вопрос о Шамиле. Нам ученые говорят — надо созвать конференцию, которая состоится в конце года; надо уйти на несколько лет в архивы, провести исследования, относящиеся к Ша-

милю, и тогда можно поставить вопрос. Спрашивается, почему до статьи Багирова никого не посылали в архив, прежде чем высказать его точку зрения? Что изменилось? Почему сейчас, чтобы восстановить истину, нам нужно на много лет уйти в архив, там добывать эту истину?

Конечно, нужно заниматься исследованиями, но мы не должны приостановить это дело. Не случайно, что противником этого дела является как раз Носов. Правильно сказали, что специалисты по Ивану Грозному выступали за сохранение старой точки зрения, а вот [придерживающиеся другой точки зрения] со статьями не выступают. Говорят, оказывается, на редколлегии еще не решен вопрос. Но мы поместили статьи Шевякова, Дубровского⁴⁰, потому что специалисты не хотят заниматься. Видимо, их многое связывает с прошлым. Этот пересмотр нельзя делать только руками тех людей, которые над этими темами сидят. Им трудно отказываться от того, что они писали в течение многих лет. Поэтому я хочу сказать, что мы должны помещать «поверхностные» статьи. Но если мы допустим неспециалиста в наш журнал, не совсем посвященного в частности человека, больше молодежи — с меньшим знанием источников, но более свободной от предрассудков и той же конъюнктуры, — то мы поступим правильно (аплодисменты). Нужна известная осмотрительность во всяком деле, но не нужно нас призывать к тому, чтобы запереться в архив на много лет и не заниматься пересмотром. Нельзя думать, что не будет ошибок. Но если основной путь будет правильный, то ошибки не страшны.

Еще есть плохая теория — «фигура выжидания». Вот прошел XX съезд партии, дал общие указания, а товарищи ждут — а не будет ли каких-нибудь... (с места: ...циркуляров) ...исправлений, директив, не осудит ли кто-нибудь, не сделаем ли ошибок? Это я говорю из опыта московских и даже ленинградских товарищей. Рассуждают: может быть, сделать так, чтобы наверняка никто ни в какой ошибке не обвинил. Нельзя ожидать: когда везде и все прояснится, тогда и у нас все прояснится. Так действовать не нужно.

Журнал делает много ошибок, но мы хотим идти вперед. Пусть нас поправят, если мы действительно ошибались. Бояться этого нельзя. Нам надо смело двигаться вперед, чтобы действительно нашу науку ставить на нужные рельсы. Пусть, если мы идем впереди, на нас шишки посыплются.

Товарищи допрашивали меня, откуда мы получили разрешение на эту публикацию. Ниоткуда. Мы считали, что это правильно. Не боясь отдельных частных ошибок, смело двигаться вперед, не ожидая указаний и директив, а руководствоваться партийными решениями, марксистским мировоззрением, своей научной совестью, и тогда наша наука пойдет вперед правильными шагами! (бурные продолжительные аплодисменты).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник Ленинградского университета, Отделение истории, языка и литературы, Серия 8, 1956, вып. 2; Вопросы истории, 1956, № 10, с. 195–197.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии» (Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М. 1947, с. 492–499). В соответствии с этим постановлением Комитет по Сталинским премиям пересмотрел решение о присуждении Сталинской премии за 3-й том «Истории философии».

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. 1956. Рец. Е. П. Канделя см.: Вопросы истории, 1956, № 11.

⁴ В 1970 и 1975 гг. выпущены дополнительные 40 и 41 тт. 2-го изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, содержащие их работы 1830-х — 1842 годов.

⁵ Рец. В. А. Твардовской, Д. А. Кузнецовой, В. И. Гетманского. — Вопросы истории, 1954, № 3; передовая. — Там же, 1955, № 9, с. 6–7; Лейкина-Сви́рская В. Р. О характере кружка петрашевцев. — Там же, 1956, № 4.

⁶ Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М. 1954.

⁷ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г., Филиппов Л. А. О произвольном обращении с источниками.— Вопросы истории, 1955, № 9.

⁸ Культура и жизнь, 20.VI.1948.

⁹ См. Обсуждение «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР».— Вопросы истории, 1956, № 6.

¹⁰ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г., Филиппов Л. А. Какой России принадлежал А. А. Антонский.— Вопросы истории, 1956, № 9.

¹¹ О кн. История русской экономической мысли (Т. 1, ч. 1. М. 1955) см.: Замятин В. Н., Епифанов П. П. За дальнейшую разработку истории русской экономической мысли.— Вопросы истории, 1957, № 2.

¹² Ряд отзывов о книге Лихолата (Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине. М. 1954) см. Вопросы истории, 1955, № 4; 1956, №№ 3, 8.

¹³ Очерки истории СССР. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 годов. М. 1955, с. 141; Костомаров Г. Московский Совет в 1905 году. М. 1955, с. 47.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 2.

¹⁵ Ср.: О статье тов. Е. Бугаева.— Вопросы истории, 1956, № 7, с. 216. Речь идет о статье: Бугаев Е. Когда утрачивается научный подход.— Партийная жизнь, 1956, № 14.

¹⁶ Выступая с заключительным словом на съезде, Сталин говорил, что явка Ленина и Зиновьева «к властям» допустима — при условии гарантий их безопасности, если буржуазная власть «будет иметь хоть некоторую честь». В изданиях 1927 и 1934 гг., а также в Сочинениях Сталина (т. 3, с. 170) эти слова подвергнутые критике другими делегатами, были опущены либо изменены (см. РСДРП(б). Шестой съезд. Протоколы. М. 1919, с. 27; то же. М.—Л. 1927, с. 29–30; то же. М. 1934, с. 28).

¹⁷ Критикуемая книга: Алпатов М. А. Реакционная историография на службе поджигателей войны. М. 1951 (Вопросы истории, 1956, № 1, с. 9).

¹⁸ См. Обсуждение «Очерков истории исторической науки в СССР» [Т. 1. М. 1955].— Вопросы истории, 1955, № 12, с. 189.

¹⁹ Здесь и далее формулировки вопросов, не всегда точно воспроизведенные в стенограмме, восстановлены по сохранившимся запискам.

²⁰ В этой речи Ленина к Сталину относятся слова: «Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 369). Поводом послужило сказанное Сталиным в начале его речи: «Можно не подписывать, но начать мирные переговоры». В конце речи он, однако, пришел к выводу: «Либо передышка, либо гибель революции — другого выхода нет», а выступив вторично, после критики со стороны Ленина, сказал: «Мы немедленно должны подписать эти условия» (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М. 1958, с. 212–213). Текст этого выступления Ленина имеется в изданиях 1–3 его сочинений (т. 15. М.—Л. 1925, с. 585; т. 22. М.—Л. 1931, с. 277), тогда как в 4-м лишь в хронике упомянуто: «Ленин участвует в заседании ЦК партии, голосует вместе с И. В. Сталиным за немедленное принятие мирных предложений» (т. 27, с. 549).

²¹ Статья-рецензия Е. С. Осликовской и А. В. Снегова «За правдивое освещение истории пролетарской революции» (Вопросы истории, 1956, № 3) о книге: Лихолат А. В. Ук. соч. Poleмика была продолжена в № 8.

²² Свое несогласие с высказанными в «Анти-Дюринге» Энгельса идеями об стмировании государства при переходе к социализму Сталин изложил наиболее развернуто в докладе на XVIII съезде ВКП(б). Он утверждал, что только «смерть помещала» Ленину развить дальше теорию государства до вывода о том, что государство сохранится «также и в период коммунизма» (XVIII съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М. 1939, с. 32–36). Позднее Сталин подтвердил, что руководствоваться мнением Энгельса могли только «начетчики и талмудисты», тогда как «советские марксисты» пришли к решению «всемерно усиливать» органы безопасности и армию (Сталин И. Товарищу Холопову.— Большевик, 1950, № 14, с. 3–6).

²³ См. Дубровский С. М. Против идеализации деятельности Ивана IV.— Вопросы истории, 1956, № 8.

²⁴ Пионтковский А. А., Чхиквадзе В. М. Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса.— Советское государство и право, 1956, № 4, с. 33–38.

²⁵ В Верховном Суде СССР.— Бакинский рабочий, 27.V.1956. О суде над Багировым см.: Антонов-Овсеенко А. В. Карьера палача.— Звезда, 1989, № 5, с. 107–109.

²⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 6, с. 383–385.

^{26a} О реабилитации А. Г. Шляпникова см.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 10, с. 57.

²⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32, с. 66.

²⁸ Кожухов С. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года.— Большевик, 1951, № 15.

²⁹ Тарле Е. Письмо в редакцию журнала «Большевик». — Там же, № 19; От редакции журнала «Большевик». — Там же.

³⁰ Автор записки подразумевал работу Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», ныне напечатанную на русском языке (Вопросы истории, 1989, №№ 1–4).

³¹ Согласно точному переводу: «Говорят, что ни одна великая нация никогда не жила и не могла прожить в таком отдалении от моря, в каком вначале находилась империя Петра Великого» (там же, № 4, с. 11).

³² Имеется в виду не предисловие, а письмо Ленина Покровскому 5 декабря 1920 года. Ленин писал, что книга Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» ему «чрезвычайно понравилась» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 24).

³³ Подразумевается распропагандированная в начале 1950-х годов версия о «замечательном открытии» Сталина в области философии, «обобщившем опыт строительства социализма», — о «единстве эволюционной и революционной форм движения». В работе «Марксизм и вопросы языкознания» Сталин заявил об открытом им «новом типе революционного развития, которое происходит постепенно, без взрыва», о диалектических «скачках, происходящих со взрывом, и о скачках, совершающихся без взрыва, постепенно» (Каммари Т. Выдающийся философский труд И. В. Сталина. — Большевик, 1951, № 13, с. 11, 12; Кедров Б. О формах скачков в развитии природы и общества. — Там же, № 15, с. 9, 10).

³⁴ См. Вопросы истории, 1956, № 7.

³⁵ См. Черкасов Н. К. Записки советского актера. М. 1953, с. 380–382. С этой же точки зрения была раскритикована 2-я серия фильма «Иван Грозный» в постановлении ЦК 4 сентября 1946 года. В нем говорилось, что режиссер С. М. Эйзенштейн «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-клукс-клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета» (О партийной и советской печати. Сб. док. М. 1954, с. 575–576).

³⁶ Так в стенограмме.

³⁷ В дальнейшем Бурджалов привел в подкрепление своей датировки Манифеста дополнительные аргументы (Вопросы истории, 1956, № 8, с. 109; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М. 1967, с. 268–269).

³⁸ См. Волк С. С., Жеребов Д. К. Героическая оборона Севастополя в 1854–1855 годах. — Вопросы истории, 1954, № 10.

³⁹ См. Абрамов Л. В., Коренблат И. М. О неправильном освещении некоторых вопросов Севастопольской обороны. — Там же, 1955, № 7.

⁴⁰ Дубровский С. М. Ук. соч.; Шевяков В. Н. К вопросу об опричнине при Иване IV. — Там же, 1956, № 9.

Voprosy istorii

1989 No. 0011

ВНИМАНИЕ: ЭТОТ ДОКУМЕНТ ЗАЩИЩЕН ЗАКОНОМ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Факт использования Вами настоящего документа означает, что Вы согласны с Условиями подписки на продукты компании East View (см. <http://online.ebiblioteka.ru/titles/terms.jsp>), в которых указывается, что все электронные издания, принадлежащие компании East View, защищены Законом об авторском и смежных правах и не могут быть воспроизведены полностью или частично без письменного разрешения издателя. Систематическое копирование статей в электронном режиме запрещено. Документ может быть использован только в личных целях, не преследующих коммерческой выгоды.

WARNING CONCERNING COPYRIGHT RESTRICTION

Your use of this document indicates your acceptance of East View's Subscription Terms and Conditions (available at <http://online.eastview.com/titles/terms.jsp>), prescribing that all of East View's electronic publications are protected by copyright and may not be systematically redistributed, in whole or in part, without written permission from the publisher. Systematic downloading of articles is prohibited. You may use this document only for your personal, non-commercial use.

<http://online.ebiblioteka.ru>
<http://online.eastview.com>